

Эльвира Николаевна Акимова

*Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва*

Древнерусский текст в лингвистических исследованиях XX–XXI вв.

Ключевые слова: категории и единицы древнерусского текста

Key words: categories and units of ancient Russian text

Summary

The article gives analytical review of scientific papers on actual problems of a new branch of historic Russian linguistics – diachronic text linguistics. It considers the problems of defining ancient Russian text, its features and characteristics, categories and units. Special attention is paid to the analysis of cohesion and integrity categories.

Древнерусский текст как объект изучения представляет собой значительный интерес для гуманитарных наук. Являясь культурным и языковым знаком, текст имеет как универсальные, так и специфические национальные черты структурной организации. История языка во многом может найти свое объяснение в истории текста. Актуальная задача диахронических исследований состоит в «выявлении закономерных связей между смысловой структурой текста, семантикой языка и картиной мира» [Ковалев 1997: 15]. В.В. Колесов подразумевает под текстом в диахроническом аспекте «последовательность семантически выразительных знаков, построенную согласно правилам данного языка и образующую сообщение, идеологически важное для данной культуры» [Колесов 1989: 32]. Основными характеристиками средневекового письменного текста признаются (вслед за Р. Пиккио) [Пиккио 2002: 202] достоинство и норма. Достоинство – это способность возвещать боговдохновенную истину, достоинством же определяется и норма, поскольку

нормативен текст, который считают образцом. Практически до конца XVII века господствовала субстанциональная концепция текста, согласно которой текст рассматривался как нечто данное свыше, как откровение, которое не может существовать иначе, чем в первоначальной неизменяемой форме. Отсюда и теория абсолютного перевода, и особенности оформления текста в категориях статического пространства, вечного и тленного времени, символов и элативных форм. В конце XVII века Симеон Полоцкий дал основанную на учении Аристотеля рационалистическую концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъектом. В рамках новой концепции развивалось толкование текста при помощи притч, обосновывалось функционирование в тексте категорий движения, иерархии, меры, единого «цивилизованного» времени, наличие метафор и степеней сравнения [Матхаузерова 1976: 272–282].

Способы изучения древнерусского текста историками языка различны. Некоторые ученые считают, что основной единицей при изучении текстов древнерусской письменности является предложение, так как книжный текст XI–XVII вв. «и содержательно, и структурно достаточно полно расчленяется на такие смысловоразличающие единства, которые уже получили или еще получают статус предложения» [Припадчев 1992: 13]. Другие, наряду с уровнем предложения, рассматривают структурно-содержательные единицы более высокого уровня, например структурно-смысловые блоки [Акимова 2006: 26].

Исследователями разграничиваются три текстовых уровня – микротекст, макротекст и мегатекст. Под макротекстом понимается относительно завершенное смысловое целое, отличающееся от подобных образований составом и организацией подсистем оценочных компонентов. Микротекст при таком подходе становится одной из подсистем макротекста, категориально-оценочные компоненты которой образуют информационно-тематический комплекс, отличающийся доминантой в рамках смыслового целого от других подобных структур. Отмечается также, что микротексты по объему могут совпадать с высказываниями и в этом плане они могут быть названы основными единицами анализа [Ковалев 1997: 97].

Д.С. Лихачев исследует особенности древнерусских текстов в литературоведческом аспекте. В древнерусской литературе отсутствовало четкое представление об авторской собственности. Авторская принадлежность тех или иных произведений ценилась только тогда, когда автор обладал внелитературным авторитетом – церковным или светским. Если в произведении раскрывалась знакомая автору тема, он создавал новое произведение как переделку прежнего, меняя в какой-то мере структуру, стиль или идею произведения, дополняя его или сокращая. В результате тексты произведений так тесно переплетались между собою, что трудно или даже невозможно было различить, какой текст является первоначальным [Лихачев 1987а].

Д.С. Лихачев рассматривает проблему определения, классификации и взаимодействия жанров, отмечая, что древнерусский текст неустойчив,

но традиционен; жанры резко отграничены друг от друга, а произведения, наоборот, отграничены друг от друга слабо, они сохраняют свою устойчивость лишь в некоторых случаях [Лихачев 1987б: 198].

Другая, не менее важная, заслуга Д.С. Лихачева состоит в анализе структурных особенностей древнерусских сборников. Выделяется два вида сборников – устойчивого и неустойчивого состава, каждому из сборников дается соответствующая жанровая характеристика. Состав этих сборников может быть разным, однако тип остается неизменным. Все типы сборников также могут быть рассмотрены как жанры, но жанры особые – «жанры-сюзерены», объединяющие другие жанры, причём включаемые в них произведения сами могут быть разножанровыми. Другими словами, жанр сборника только отчасти определяется жанрами входящих в него произведений.

Многое в изучении жанрового своеобразия и поэтических средств средневековых текстов сделано учеными-медиевистами. Так, например, установлено, что устойчивость так называемых первичных жанров (повесть, сказание, слово) относительна, поскольку данные жанры видоизменялись в составе сборного характера памятников. Памятник не является замкнуто цельным, неизменным текстом. Это система, открытая для дальнейших преобразований и дополнений. Жанр как форма и воплощает надобность в новой функции языка и стиля. Возможность объединения нескольких первоначальных жанров в общую систему показывает близость их друг к другу и предел соотношения между разными по функциональным характеристикам жанрами.

Л.П. Клименко, анализируя старопечатные памятники XVII–XVIII вв., отмечает, что «процесс жанрообразования русской литературы XI–XVII вв. протекал весьма активно и своеобразно, в ходе его не только осваивались жанры византийской и болгарской литературы, но и вырабатывались собственные, с самобытными признаками», и особое внимание уделяет жанровому своеобразию литературы сакрального содержания, «которая существовала и развивалась параллельно светской, отчасти обуславливая самый процесс жанрообразования» [Клименко 1997, I: 3–4].

Применяя к древнерусским текстам понятие гипертекста, средневековые сборники анализирует Е.В. Курзина. Под гипертекстом понимается представление информации в виде связанной системы фрагментов, которая предполагает нелинейное прочтение. Основные черты гипертекста: 1) нелинейность – читатель сам выбирает последовательность чтения и тем самым создает свой текст; 2) фрагментарность, дисперсность структуры – текст создается на основе множества микротекстов; 3) взаимодействие разных способов воздействия на читателя. Древнерусские сборники гипертекстуальны, что может быть обусловлено синкретичностью и символизмом средневекового мироощущения, отсутствием представления о литературном развитии, об авторстве. Древнерусский гипертекст состоит из текстов меньшего объема, объединенных в сложные структуры. Как отмечает исследователь, «в самом

слове «сборник» заложен основной принцип его формирования – собирание из частей, фрагментов» [Курзина 2004: 97].

Изменение древнерусского текста как совокупности формул-синтагм является объектом анализа В.В. Колесова. Он отмечает, что история литературного языка изучает текст как «форму использования системы языка в создании функционально оправданных стилей; в результате возникает норма в исторической последовательности ее проявлений: как образец-текст, затем как узус привычного употребления и только в конце концов как обязательный стандарт. Система языка организует структуру, стиль речи определяет ее функцию, но только норма порождает стандартные правила их совместного и постоянного взаимодействия» [Колесов 1989: 12]. Основным элементом текста-образца, которым пользовались средневековые писатели, создавая новый текст, были речевые формулы, которые в результате оказались более устойчивыми в истории языка, чем жанры. Изучая изменение разножанровых текстов древнерусской литературы и постепенное преобразование формул в них, исследователь приходит к выводу, что история «так называемого литературного языка есть история постепенного развития и преобразования речевого материала (текста) под влиянием речевой деятельности (творческих потенций своего времени) и обусловленного ею изменения языковой системы» [Колесов 1989: 134–135]. Говоря об эволюции функции, жанра, стиля, формировавших литературные нормы, В.В. Колесов отмечает нерасторжимость, единство в древнерусский период указанных аспектов, тогда как последующая история литературы постепенно дифференцирует их, разграничивает их специализацию: то, что в XII веке – прагматическая функция, в XV веке – жанр, а в XVIII – стиль.

В.В. Колесовым также исследованы принципы организации древнерусского текста и преобразование текстообразующих компонентов в истории развития языка, причем основное внимание исследователь обращает на изучение таких структурных компонентов текста, как синтагма и фраза. Признаки синтагмы – грамматическое, семантическое и ритмическое единство в соответствии с естественным членением устной речи. Фраза – своего рода синтаксическая модель, которая организует ряд синтагм, объединенных общностью сообщения, создает законченный текст. Возникает последовательность: текст – фраза – синтагма, однако практически автор может сжать весь текст до одной синтагмы или, наоборот, беспредельно расширять набор синтагм до большого текста. Отмечается, что целое (т.е. фраза) не равно сумме синтагм, это иной уровень текста, и если он создан организацией синтагм, то образует свое единство и развивается уже по собственным законам.

Таким образом, древнерусский текст привлекает внимание различных исследователей-лингвистов и литературоведов, анализирующих разные его аспекты. Но, несмотря на большой интерес к древнерусским текстам, остаются нерешенными многие проблемы, в частности, проблема изучения форм и способов реализации категорий текста.

Историки языка отмечают, что в описании древнерусского текста нерелевантны некоторые признаки текста нашего времени, в том числе и признак тематического единства частей. Понимание современного текста как системы подтем, отражающих определенный фрагмент действительности, неприемлемо в исследовании текстов XI–XIII веков, так как в последних отсутствует разграничение тем: «общим предметом всех авторов является незримое в зримом мире» [Ковалев 1997: 48].

В исследованиях, посвященных изучению древнерусских текстов, описываются лишь отдельные текстовые категории. Наиболее подробное освещение получает категория связности. Так, В.Л. Ринберг, анализируя связность древнерусских текстов, особое внимание уделяет древней цепочечной конструкции нанизывания, рассматривает ее соотносительность с системой сложных синтаксических единиц русского языка и прослеживает семантико-структурные изменения разновидностей данной конструкции. Исследователь отмечает, что связность древнерусского текста выражается в цепочном строении, но зависимость составных частей в такой структуре особая.

Специфика состоит в том, что при всей тематической связности предложения сложной модели сохраняют, в отличие от предикативных частей сложного предложения, независимость строения, с которой согласуются невыраженные между ними смысловые отношения [Ринберг 1975: 29].

Все тексты памятников древнерусской письменности В.Л. Ринберг делит на три группы:

- а) произведения, в которых отсутствуют цепочечные структуры либо обнаруживаются отдельные малопоказательные образцы, например «Слово о полку Игореве»;
- б) памятники, в которых данная модель представлена в более или менее значительном количестве, но их совокупность не отражает синтаксическую специфику документа, например «Изборник 1076 года»;
- в) произведения, где цепное нанизывание предложений составляет синтаксическую доминанту языковой системы документа, например различные летописи [Ринберг 1975: 30].

Языковые средства выражения категории связности летописного текста рассматривает З. Трестерова, отмечая, что с «языковой точки зрения особенности связности текста летописей сводятся к следующим явлениям: особенности согласования, чередование субъектов, особенности в употреблении местоимений, лексико-семантические показатели и корреляты, эллипсис и плеоназмы, употребление конструкций добавления, анаколумы, так называемое нанизывание предложений, полифункциональность союзов и из нее вытекающие последствия (например, „несвободный“ порядок следования частей сложного предложения) и т.д.» [Трестерова 1985: 15]. З. Трестерова обращает внимание на то, что именно особенности связности древнерусских

текстов иногда могут быть причиной или непонимания текста, или его оценки как «нелогичного», построенного не по тем требованиям, которые выдвигают нормы современного письменного языка.

Связность древнерусских текстов и конструкции нанизывания являются объектами исследования Б. Гавранека, Е.С. Истриной, Г.А. Качевской, З.Д. Поповой, Р.Б. Кершиене, С.Е. Морозовой, М.Н. Преображенской [Гавранек 1962; Истрина 1919; Качевская 1957; Попова 1954; Кершиене, Морозова, Преображенская 1983].

Конструкции цепного нанизывания с синтаксической частицей *же* в памятниках древнерусской письменности подробно рассматривает Н.И. Брукер. Большое внимание исследователь уделяет функциям и особенностям употребления данной частицы как средству связи предикативных единиц в цепочечных конструкциях, указывая, что именно частица *же*, наряду с начинательным союзом *и*, является в древнерусских текстах книжно-литературного языка наиболее распространенным средством связи в конструкциях нанизывания. Кроме средства связи, частица *же* выполняет функцию оформления коммуникативного членения присоединяемой предикативной единицы, актуализируя тему. Отметим, что Н.И. Брукер исследует слово *же* как синтаксическую частицу:

Служебное слово *же*, стоящее в предикативной единице на втором месте после знаменательного слова, следует рассматривать не как сочинительный союз с противительным или сопоставительным значением и не как усилительную частицу, выделяющую то слово, после которого она стоит, а как синтаксическую частицу, то есть как такое служебное слово, которое одновременно выполняет функцию сцепления предикативных единиц в цепочечных конструкциях и актуализирует слово или группу слов, являющихся в данной предикативной единице темой или компонентом темы [Брукер 1990: 173].

Исследование Н.И. Брукер не подтверждает традиционное мнение, что частица *же* в той или иной степени связана с аспектом отсутствия или наличия тождества или имеет противопоставительное либо сопоставительное значение. Проведённый с позиций актуального членения предложения анализ предикативных единиц показал, что частице *же* в самом общем виде свойственно значение определенности и в этом она близка к функциям определенного артикля.

Блоки взаимосвязанных предикативных единиц (ПЕ) и их типы рассматривает в своих работах З.Д. Попова. Ею выделены три основные композиции, в рамках которых и функционируют взаимосвязанные предикативные единицы: 1) препозитивное подчинение ПЕ, несущей тему высказывания. Такая ПЕ содержит служебные слова, указывающие на ее зависимое положение. Следующая за ней ПЕ несет рему высказывания и может содержать соотносительные служебные слова, отсылающие к предыдущей ПЕ; 2) постпозитивное подчинение ПЕ, раскрывающей содержание предшествующих слов или ПЕ;

3) присубстантивное подчинение ПЕ, характеризующей одно слово, обычно именную часть речи, другой ПЕ [Попова 1968: 24].

Одной из центральных в ряду категориальных признаков текста является категория целостности, тесно связанная с категорией концептуальности. Особенности реализации данных категорий посвящено диссертационное исследование К.Е. Баталиной, в котором рассматривается текстообразующая и смыслообразующая роль категорий концепта, целостности и системности в формировании и экспликации основных идей и смысла Апракоса Мстислава Великого 1115–1117 гг. Именно с помощью данных категорий, по мнению исследователя, выражается система мировоззрения и картина мира православного христианина в сакральном тексте. Автор также упоминает о категориях членимости / связности, локально-временной отнесенности, ретроспекции, модальности и прагматичности, но отмечает, что эти категории являются менее характерными для сакрального текста, в отличие от универсальных категорий целостности, концептуальности и системности. Основными средствами экспликации текстовой категории целостности и тесно связанной с ней категории концепта являются, по мнению К.Е. Баталиной, внешняя и внутренняя композиция чтений, а также система абстрактной лексики, образующая смысловой каркас фрагмента [Баталина 2005: 164].

Отдельные компоненты категории концептуальности анализируются О.В. Бараковой и О.В. Хабаровой [Баракова 2004; Хабарова 2006].

Факторы концептуализации времени и пространства в формировании картины мира древнерусского летописца рассматриваются в исследовании А.А. Селезневой, где систематизируются средства реализации концептов времени и пространства в основных типах летописного текста. По мнению автора, локально-временная информация в летописании реализуется следующими средствами: временной маркер (речевая формула даты), пространственный маркер (различные онимы), лексико-грамматические единицы (глагольные формы с определенной семантикой) [Селезнева 2004].

Особое внимание историки языка уделяют анализу модальности в древнерусском письменном тексте [Отин 1963; Черепанова 1965; Ваулина 1988; Балута 2005], но в основном исследуют её в предложении, не выходя на уровень текста. Как текстовая категория в диахроническом аспекте модальность рассматривается в работе А.В. Опариной, где описываются этапы эволюции данной категории на пути к авторской модальности, отмечается, что модальность формирует и категорию антропоцентричности, которая, в свою очередь, сближает модальность, оценку и экспрессивность [Опарина 2004].

Из других категорий внимание современных исследователей обращено на категории времени; оценки; интенциональности; обусловленности [Матхаузерова 1972; Ковалев 1997; Кулько 2002; Акимова 2006].

Но, несмотря на наличие вышеуказанных работ, историческая лингвистика текста как самостоятельное научное направление находится в настоящее время в стадии своего формирования. Остаются актуальными задачи лингвистического

изучения текстов, сформулированные еще В.В. Виноградовым, писавшим о необходимости разработки «исторической типологии композиционных форм речи как систем языковых объединений, которые встречаются в ткани литературно-художественных произведений той или иной эпохи. Изучение этих основных типов естественно предполагает группировку не самих литературных произведений, а отвлеченных от них однородных форм словесной композиции, в общелингвистическом плане – на фоне эволюции композиционных жанров прагматической речи. Это учение не о структуре художественных единств, а о структурных формах речи, которые наблюдаются в организации литературных произведений. И его задача – установить закономерности в их построении как систем языковых отношений» [Виноградов 1980: 70].

На пути своего становления историческая лингвистика текста должна пройти два этапа: во-первых, исследование конкретных категорий текста, способов и форм их реализации в различных памятниках древнерусской письменности; во-вторых, обобщение результатов исследования и развития на этой основе теории исторической лингвистики текста.

Литература

- Акимова Э.Н., 2006, *Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.)*, Саранск: Издательство Мордовского университета.
- Балута А.А., 2005, *Эволюция средств выражения ирреальной модальности в сложно-подчиненном предложении русского языка (на материале первичных евангельских текстов)*, дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Баталина К.Е., 2005, *Абстрактные имена существительные и категории сакрального текста как средства экспликации концептов христианской картины мира в евангельских чтениях: На материале Апракоса Мстислава Великого 1115–1117 гг.*, дис. ... канд. филол. наук, Нижний Новгород.
- Баракова О.В., 2004, *Деловая письменность XVII в. Концептосфера, субтекстовый состав: На материале фразеологии современного русского языка*, дис. ... д-ра филол. наук, Магнитогорск.
- Брукер Н.И., 1990, Конструкции цепного нанизывания с синтаксической частицей ЖЕ [в:] *Семантика и прагматика языковых единиц*, Душанбе, с. 163–174.
- Ваулина С.С., 1988, *Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.)*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Виноградов В.В., 1980, *Избранные труды: О языке художественной прозы*, Москва: Наука.
- Гавранек Б., 1962, Основные методы изучения и проблемы праславянского синтаксиса [в:] *Международный съезд славистов. Материалы дискуссии*, Москва, с. 213–220.

- Истрина Е.С., 1919, Синтаксические явления Синодального списка 1-ой Новгородской летописи, *Известия Отделения русского языка и словесности*, Петроград, с. 1–172.
- Качевская Г.А., 1957, Наблюдения над архаическими конструкциями сложного предложения в памятниках русского языка XVI в., *Ученые записки ЛГУ*, № 197, с. 26–43.
- Кершиене Р.Б., Морозова С.Е., Преображенская М.Н., 1983, Особенности организации сложных синтаксических конструкций в текстах древнерусских и старорусских памятников XI–XVII вв., *Известия АН СССР. ОЛЯ*, № 1, с. 48–58.
- Клименко Л.П., 1997, *Проблема языка, состава текста и жанра старопечатных памятников письменности XVII–XVIII вв.*: в 2 ч., Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета.
- Ковалев Н.С., 1997, *Древнерусский литературный текст: Проблема исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки*, Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета.
- Колесов В.В., 1989, *Древнерусский литературный язык*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Кулько О.И., 2002, *Интенциональность как категория летописного текста*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Волгоград.
- Курзина Е.С., 2004, Древнерусский сборник как гипертекст (к постановке проблемы) [в:] *Книга и мировая цивилизация. Материалы одиннадцатой международной научной конференции по проблемам книговедения*, Москва: Наука, с. 9–13.
- Лихачев Д.С., 1987а, Поэтика древнерусской литературы [в:] *Избранные работы: в 3 т.*, Ленинград, т. 1, с. 261–648.
- Лихачев Д.С., 1987б, Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили [в:] *Избранные работы: в 3 т.*, Ленинград, т. 1, с. 24–260.
- Матхаузерова С., 1976, Две теории текста в русской литературе XVII в., *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 31, Ленинград, с. 271–284.
- Матхаузерова С., 1972, Функции времени в древнерусских жанрах, *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 27, Ленинград, с. 231–232.
- Опарина А.В., 2004, *Специфика проявления авторской модальности в списках «Повести временных лет»: Лексико-грамматический аспект*, дис. ... канд. филол. наук, Тамбов.
- Отин Е.С., 1963, *Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII–XVII вв.*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Днепропетровск.
- Пиккио Р., 2002, *Древнерусская литература*, Москва: Языки славянской культуры.
- Попова З.Д., 1954, *Виды синтаксических связей в «Азовской записной книге 1698–1699 гг.»*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Попова З.Д., 1968, К вопросу о так называемом союзном нанизывании предложений в древнерусском литературном языке, *Труды Воронежского государственного университета*, т. 51, вып. 2, Воронеж: Издательство Воронежского университета.
- Припадчев А.А., 1992, *Гносеология, прагматика и семантика в диахронии синтаксиса текста*, Воронеж: Курьер.
- Ринберг В.Л., 1975, *Древнерусские сложные конструкции и их современные параллели (Спецкурс по русскому языку)*, Киев: Издательство Киевского государственного университета.

- Селезнева А.А., 2004, *Тенденции формирования функционально-смысловых типов речи в летописном тексте (на материале «Повести временных лет»)*, дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Трестерова З., 1985, К некоторым особенностям связности древнерусского текста и их роли в перестройке «типа» синтаксиса [в:] *Восточные славяне: языки, история, культура*, Москва: Наука.
- Хабарова О.В., 2006, *Триединство Добро – Истина – Красота как ядерный компонент концептуального пространства «Прекрасное» в древнерусских текстах XI–XIV веков*, дис. ... канд. филол. наук, Калининград.
- Черепанова О.А., 1965, *Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI–XVII вв.*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Ленинград.